

НАЙО МАРШ

Найо Марш (1895–1982) –
ярчайшая звезда «золотого века»
английского детектива,
автор 32 романов и множества пьес.
Ее имя стоит в одном ряду с такими
признанными классиками жанра,
как Агата Кристи и Дороти Л. Сэйерс.
За свои литературные достижения
она была удостоена звания дамы-
командора ордена Британской
империи.

NGAIO
MARSH

.....

FALSE SCENT

.....

НАЙО МАРШ

.....

МНИМАЯ
БЕСПЕЧНОСТЬ

.....

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
М30

Серия «Золотой век английского детектива»

Ngaio Marsh
FALSE SCENT

Перевод с английского *Н.В. Рейн*
Серийное оформление *В.Е. Половцева*

Печатается с разрешения Aitken Alexander Associates Ltd
and The Van Lear Agency LLC.

Марш, Найо.

М30 Мнимая беспечность : [роман] / Найо Марш ;
[перевод с английского Н. В. Рейн]. — Москва :
Издательство АСТ, 2019. — 320 с. — (Золотой век
английского детектива).

ISBN 978-5-17-117918-2

Театральные дивы известны несносным характером, за который так и хочется убить, — и с легендарной Мэри Беллами (в замужестве — миссис Темплтон) это действительно произошло: ее убили. Причем в ее собственный день рождения.

Но кто лишил театралов их любимой звезды? Инспектор Родерик Аллейн понимает: буквально у всех, присутствовавших в ее доме в тот день, был и веский мотив, и возможность расправиться с актрисой...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-117918-2

© Ngaio Marsh Ltd, 1960
© Перевод. Н.В. Рейн, 2016
© Издание на русском языке AST
Publishers, 2019

Глава 1

ДОМ НА ПАРДОНЕРС- ПЛЕЙС — 9.00 УТРА

I

Когда она умерла, показалось, что любовь, которую она внушала множеству людей, вдруг расцвела пышным цветом. Прежде она никогда не понимала, как сильно ее любят, не предполагала, что гроб с ее телом будут нести шестеро молодых мужчин, которых попросили воздать ей эту последнюю почесть: нести ее на своих сильных плечах столь бережно и так целеустремленно.

Там были и какие-то совсем незначительные люди: ее старая Нинн, еще семейная нянюшка, с лицом, похожим на башмак, она громко рыдала. И Флоренс, ее костюмерша, с букетиком примул, потому как именно эти цветы всегда стояли у нее в вазочке, в гримерке перед зеркалом. И Джордж, швейцар, дежуривший на входе в театр «Единорог». Он был трезвее трезвого и говорил всем, кто пожелал его выслушать, что она была поистине великой женщиной. И Пинки Кавендиш, она просто обливалась слезами, и Морис, верный ее телохранитель с неподвижной верхней губой. Словом, толпы людей, многих из которых она узнавала и вспоминала с трудом, но которых успела озарить бесценным даром своего обаяния.

6 Ну и, разумеется, все рыцари и дамы, и сливки театрального сообщества тоже, и Таймон Гэнтри, величайший продюсер, который так часто задействовал ее в своих постановках. И Берти Сарацин, который создавал эскизы ее костюмов еще с тех незапамятных времен, когда она играла эпизодические роли, а затем уже поднялся до нынешних высот и обрел благодаря ей известность, а она — славу. Но не ради этой славы они пришли сказать ей «последнее прости». Нет, все они пришли просто потому, что любили ее.

Ну а Ричард? Да, и Ричард тоже был здесь, бледный и удрученный. Ну и... да, разумеется, в последнюю секунду промелькнуло в голове, и Чарльз тоже.

Мисс Беллами остановилась, захлебнувшись в своих фантазиях. Слезы радости застилали глаза. Она часто развлекалась, строя планы на собственные похороны, и всякий раз была растрогана до крайности. Смущал лишь один неоспоримый факт: сама она будет мертва и не сможет насладиться этим зрелищем. Сама она будет лишена возможности созерцать этот погребальный обряд, и в этом ощущалась ужасная несправедливость.

Но, может, она все же каким-то образом узнает, увидит? Может, будет гордо витать над этим шоу, никем не замеченная, используя свой знаменитый дар устраивать грандиозные спектакли, казалось бы без всяких видимых усилий со своей стороны? Возможно?.. Тут она ощутила некоторую неловкость, напомнила себе о своем замечательном пышном телосложении и решила подумать о чем-то другом.

А думать было о чем. О новой пьесе. О своей роли — весьма значительной и интересной. О долгом монологе, где она будет рассуждать о том, что

нельзя падать духом, невзирая на возраст, и смотреть на будущее с ироничной улыбкой. Нет, Ричард написал его несколько иначе, самой ей хотелось, чтобы та же мысль была выражена более простыми словами. Может, стоит выбрать момент и предложить ему ввести несколько более простых предположений, и от этого монолог зазвучит куда более выразительно, чем использовать эти сухие фразы, которые просто чертовски трудно запомнить? Ей хотелось — тут на поверхность всплыло истрепанное слово «уловка», но она тотчас отогнала его, — ей хотелось придать всему, что она будет говорить и делать на сцене, истинного тепла и человечности, ведь это всегда было движущей силой ее таланта. Она верила в гуманизм. Возможно, с Ричардом удастся переговорить как раз сегодня утром. Он, разумеется, заявится со своими поздравлениями и пожеланиями. Ведь сегодня у нее день рождения! Ей следовало бы заранее обдумать свое поведение, чтоб избежать неловкостей. Она должна любой ценой устранить каверзные вопросы, ответ на которые может выдать ее возраст. Сама она вполне осознанно и с упорством, присущим какому-нибудь йогу, запрещала себе думать о возрасте и благополучно о нем забыла. Никто не знал, сколько ей лет, кроме Флоренс, но та кремень и будет держать рот на замке. И еще старой нянюшки — вот Нинн, следует признать, становилась болтлива, выпив стаканчик-другой портера. Но ничего, с божьей помощью она как-нибудь справится и с этим.

Ведь, в конечном счете, главное, как ты себя чувствуешь и как выглядишь, остальное не важно. Она приподняла голову с подушки, повернулась. И увидела свое отражение в высоком зеркале над туалет-

8 ным столиком. Неплохо, совсем даже неплохо, подумала она, тем более в такой ранний час и без грима. Она потрогала свое лицо в нескольких местах, разгладила кожу на висках и у подбородка. Так делать подтяжку или нет? Пинки Кавендиш была обеими руками за, говорила, что сегодня это вполне рутинная процедура и что кожа разглаживается прекрасно. Но как тогда быть с ее знаменитой треугольной улыбочкой? Продолжая натягивать кожу, она улыбнулась. Все еще треугольная.

Мисс Беллами позвонила в колокольчик. Как это приятно — думать, что весь небольшой штат ее прислуги в доме только и ждет этого сигнала. Флоренс, Куки, Грейсфилд, горничная, посудомойка и еще одна приглашенная со стороны женщина — все они собрались на кухне и готовятся к великому дню. Старая нянюшка, у которой уже давно начался бессрочный отпуск, сидит в постели с «Ньюс оф зе уолд» или же спешно довязывает из остатков пряжи ночной жакетик, над которым провозилась бог знает сколько времени и который наверняка вручит ей в качестве подарка. Ну и, конечно же, Чарльз. Странно, но почему-то мисс Беллами почти никогда не уделяла мужу внимания в своих размышлениях, хоть и очень любила его. Она поспешила ввести его в эту картину. Чарльз наверняка дожидается Грейсфилда, который придет и доложит, что хозяйка проснулась и звонила. Ну и затем непременно появится здесь с розовой от бритья и умывания физиономией и в халате сливового цвета, который совершенно ему не идет.

Послышалось бряканье и какой-то шум. Дверь распахнулась, вошла Флоренс с подносом.

— Утро в разгаре, дорогуша, — сообщила она. — Ну, как чувствуешь себя в свои восемнадцать?

— Старая дура, — отозвалась мисс Беллами и улыбнулась. — Чувствую себя просто отлично.

Флоренс ловко взбила подушки у нее за спиной и поставила поднос ей на колени. Потом раздернула шторы и разожгла камин. То была маленькая бледная женщина с черными крашеными волосами и сардоническим взглядом темных глаз. Она служила костюмершей мисс Беллами на протяжении двадцати пяти лет и лет пятнадцать была ее личной горничной.

— Три поздравления уже прибыли, — объявила она. — Прекрасное начало утра.

Мисс Беллами взглянула на поднос. Там в плетеной корзинке лежала целая пачка телеграмм. На большой тарелке были рассыпаны разноцветные орхидеи, рядом примостился пакет в серебряной обертке, перевязанный розовой ленточкой.

— Интересно, что тут у нас такое? — спросила она, как всегда спрашивала в свой день рождения на протяжении последних пятнадцати лет, и взяла пакет.

— Цветы от полковника. Подарок он принесет позже, ну, как обычно.

— Да я не о цветах говорю, — заметила мисс Беллами и вскрыла пакет: — О, Флори! Флори, дорогая!

Флоренс гремела поленьями.

— Его, должно быть, принесли совсем рано, — пробормотала она. — Иначе бы никто и внимания не обратил.

В коробке лежала женская сорочка из тончайшей, как паутинка, ткани с богатой и искусной вышивкой.

— Иди сюда! — сказала мисс Беллами, любуясь подарком.

10 Флоренс подошла к постели, со страдальческим видом подставила щеку для поцелуя. И лицо ее покраснело. Секунду-другую она смотрела на хозяйку с какой-то почти болезненной преданностью, затем отвернулась, чтобы скрыть выступившие на глазах слезы.

— Нет, это просто предел мечтаний! — воскликнула мисс Беллами, продолжая любоваться сорочкой. — Все, ничего мне больше не надо! Получить такую красоту в такой день! — Она качала головой, продолжая изумляться. — Жду не дождусь, когда ее надену, — добавила она. Актриса действительно была очень довольна подарком.

— Ну и еще обычная почта, — проворчала Флоренс. — Куда больше, чем обычно.

— Правда?

— Лежит на подносе в холле. Принести?

— После ванной, дорогая, хорошо?

Флоренс принялась открывать дверцы и ящики и выкладывать наряды, в которых должна была появиться сегодня ее хозяйка. Мисс Беллами, сидевшая на строгой диете, выпила чаю, съела тост и принялась вскрывать телеграммы, сопровождая каждую радостными восклицаниями.

— Берти, дорогой! Какое милое, хоть и краткое послание! И еще, Флори, тут телеграмма от Бэнтинга, из Нью-Йорка. Благослови их Господь!

— Мне говорили, будто шоу закрывают, — сказала Флоренс, — и я ничуть не удивлена. Грязное и скучное во всех отношениях. Тебе не к лицу в нем участвовать.

— Ничего ты в этом не понимаешь, — рассеянно заметила мисс Беллами. И с удивлением уставилась на очередную телеграмму. — Нет, — сказала она. — Это неправда. Это неправда! Ты только

послушай, дорогая моя Флори! — И с чудесными модуляциями своего красивого голоса мисс Беллами прочла вслух следующее: — «Она явилась на этот свет из чрева утренней росы и помогла постичь концепцию всей красоты рассвета».

— Омерзительно, — пробормотала Флоренс.

— А я нахожу, что очень трогательно. Но кто он такой, скажи на милость, этот Октавиус Брауни?

— Понятия не имею, душа моя. — Флоренс помогла мисс Беллами переодеться в неглиже дизайнера Берти Сарацина, затем пошла в ванную комнату. Мисс Беллами уселась перед зеркалом и принялась за предварительную работу над лицом.

Тут раздался стук в дверь, отделявшую ее спальню от спальни мужа, и он вошел. Чарльзу Темплтону исполнилось шестьдесят, то был высокий светловолосый господин с солидным брюшком. На темно-красный халат свисал монокль, тщательно причесанные волосы изрядно поредели и стали тонкими и пушистыми, как у младенца. А красноватое лицо, обычно ассоциирующееся с сердечным заболеванием, было чисто выбрито. Он поцеловал жену руку, потом чмокнул в лоб и положил на столик маленький пакетик.

— С днем рождения, Мэри, дорогая, всех тебе благ, — сказал он. Двадцать лет назад, выходя за него замуж, она сказала, что он обаял ее своим красивым голосом. Голос до сих пор был хорош, только теперь мисс Беллами больше этого не замечала, что не мешало ей внимательно слушать слова мужа.

Тем не менее ответила она на его поздравления весело и даже игриво и выразила восхищение подарком — браслетом с бриллиантами и изумрудами. Даже для Чарльза то был слишком щедрый подарок,

12 и на мгновение мисс Беллами вдруг вспомнила, что и он, как старая нянечка и Флоренс, знает, сколько лет ей исполнилось. И подумала: может, он намеренно хотел подчеркнуть этим подарком круглую дату? Есть несколько цифр, которые одним своим видом — тяжеловесным и округлым — навевают тоску и напоминают о старости. К примеру, цифра пять. Но мисс Беллами тут же отогнала эти мысли и показала ему телеграмму.

— Хотелось бы знать, как ты отнесешься к подобному поздравлению, — сказала она и отправилась в ванную, оставив дверь открытой. Вернулась Флоренс и стала застилать постель, всем видом давая понять, что больше таких глупостей не потерпит.

— Доброе утро, Флоренс, — сказал Чарльз Темплтон. Вставил монокль и подошел к аркообразному окну с телеграммой.

— Доброе утро, сэр, — деревянным голосом откликнулась Флоренс. Лишь оставшись наедине с хозяйкой, она позволяла себе самые вольные высказывания.

— Ты когда-нибудь видел, — окликнула его из ванной мисс Беллами, — нечто подобное?

— Но ведь это же просто восхитительно, — заметил Чарльз. — И так мило со стороны Октавиуса.

— Хочешь сказать, он тебе знаком?

— Октавиус Брауни? Ну конечно, я его знаю. Старый знакомец по книжному магазину «Пегас». Поселился в нашем доме, наверху, еще до того, как мы сюда въехали. Замечательный человек.

— Разрази меня гром! — воскликнула мисс Беллами, плескаясь в ванной. — Ты имеешь в виду эту мрачную маленькую квартирку, где на подоконнике вечно сидит жирный котище?

— Именно. Он специализируется по литературе доякобинского периода.

— Так вот откуда все эти аллюзии с чревом и концепциями? О чем именно он думал, этот бедняга мистер Брауни?

— Это цитата, — ответил Чарльз, роняя монокль на грудь. — Из Спенсера. Кстати, на прошлой неделе я купил у него замечательный томик Спенсера. И он, несомненно, полагает, что ты его читала.

— Ну, тогда конечно. Придется притвориться, что читала. Наверное, надо позвонить ему и поблагодарить. Добрый мистер Брауни!

— Кстати, они большие друзья с Ричардом.

— Кто? Кто это «они»? — настороженно уточнила мисс Беллами.

— Октавиус Брауни и его племянница. Очень симпатичная девушка. — Чарльз покосился на Флоренс и после паузы добавил: — А звать ее Аннелида Ли.

Флоренс откашлялась.

— Быть того не может! — усмехнулся голос в ванной. — Ан-не-ли-да! Звучит прямо как название крема для лица!

— Это из Чосера.

— Тогда, наверное, кота зовут не иначе как Петр Пахарь*.

— Нет. Это из предыдущего периода. Кота зовут Ходж.

— Странно. Никогда не слышала, чтобы Ричард упоминал ее имя.

* Петр Пахарь — персонаж средневековой аллегорической поэмы Уильяма Лэнгленда «Видение Петра Пахаря». — *Здесь и далее примеч. пер.*

14 — Как выяснилось, она тоже выступает на сцене, — сказал Чарльз.

— О боже!

— В этом новом любительском театре, ну, что сразу за Уолтон-стрит. «Бонаventura»*.

— Ни слова больше, мой бедный Чарльз! Всеу есть предел. — Чарльз тотчас умолк, и мисс Беллами спросила: — Ты еще здесь?

— Да, дорогая.

— А откуда ты знаешь, что Ричард с ними близок?

— Время от времени видел его там, — ответил Чарльз и после небольшой заминки добавил: — Я тоже сблизился с ними, Мэри.

Снова повисло молчание, затем веселый голос прокричал из ванной:

— Флори! Принеси мне... Ну, сама знаешь что.

Флоренс подхватила выбранные ею вещи и по-несла в ванную.

Чарльз Темплтон смотрел из окна на маленькую лондонскую площадь, залитую лучами яркого апрельского солнца. На углу Пардонер-Роу женщина продавала цветы — сидела, утопая в целом море тюльпанов. Тюльпаны были повсюду. Даже его жена превратила подоконник аркообразного окна в цветник и выращивала на нем не только тюльпаны, но и множество рано зацветающих азалий, некоторые бутоны еще не распустились. Он рассеянно рассматривал эти цветы и вдруг заметил среди них жестяной баллончик со спреем. На этикетке красовалась надпись: «Распылитель от насекомых и садовых вредителей». Ниже была наклейка

* «Бонаventura» — в переводе с итальянского «Хорошее начинание», «Успешная затея».

с предупреждением, что неправильное использование этого средства может привести к летальному исходу. Чарльз рассмотрел эти надписи в монокль.

— Флоренс, — сказал он, — не думаю, что здесь самое подходящее место для этой опасной штуки.

— Вот и я то же самое ей говорю, — заметила, вернувшись из ванной, Флоренс.

— Здесь столько предупреждений. Этот яд нельзя использовать в замкнутом пространстве. А она, наверное, так и делает?

— Да я ей говорила, все бесполезно, — ответила Флоренс.

— Нет, не нравится мне это. Может, выбросишь ее?

— Ага, и получу за это такой нагоняй, что мало не покажется, — проворчала Флоренс.

— И тем не менее, — настаивал Чарльз, — эту гадость надо выбросить. Может, скажешь, что куда-то задевалась?

Флоренс окинула его полным презрения взглядом и что-то пробормотала себе под нос.

— Что ты сказала? — спросил он.

— Сказала, что не так-то это просто. Она все знает. Читать умеет. Я ей говорила. — Тут Флоренс, гневно сверкнув глазами, уставилась на него. — Я принимаю приказы только от нее. Так было, и так оно всегда будет.

Чарльз молчал секунду-другую.

— Это верно, — проговорил он. — И все же... — Тут он услышал голос жены. Она выключила душ, вздохнула и вышла в спальню.

На мисс Беллами красовался наряд — подарок от Флоренс. На паркет падало пятно солнечного све-